

Епархіальная хроника.

ЛЕКЦІЯ О. ВИКТОРА.

Третья лекція іеромонаха Виктора о „недовольныхъ людяхъ по произведеніямъ Максима Горькаго“, какъ и двѣ предыдущія, привлекли многочисленную публику. На лекціи былъ католическій епископъ баронъ Роопъ, много православнаго духовенства и масса интеллигентной публики.

Типы героевъ Горькаго, по мнѣнію лектора, представляютъ ненормальныхъ людей; всѣ они кончаютъ печально: спиваются, стрѣляются, разбиваютъ себѣ головы и т. п. И такой исходъ неизбѣженъ при отсутствіи разрѣшенія кореннаго вопроса о смыслѣ жизни. Ставить или не ставить этотъ роковой вопросъ не зависитъ отъ насъ: сама природа человѣка выдвигаетъ его и заставляетъ рѣшать тѣмъ или инымъ образомъ—если не теоретически, то практически. Но далеко не всѣмъ удастся найти истинную цѣль и содержаніе жизни: сколько людей бродитъ во мракѣ истрепанные, измученные противорѣчіями!.. Основная причина ихъ несчастія—слабость, отсутствіе вѣры, знанія и разумности существованія. Само собою разумѣется, говоритъ лекторъ, что подобное идиотское состояніе ни съ какой стороны нельзя признать нормальнымъ и тѣмъ менѣе—желательнымъ. Одинъ изъ героевъ М. Горькаго цѣлый вѣкъ „праведную землю“ искалъ, не нашель и... удавился. Конечно, легко придумать каждому всевозможныя цѣнности въ жизни, но это не поможетъ: важны только тѣ изъ нихъ, которыя по существу представляютъ дѣйствительныя цѣнности, которыя могутъ наполнить жизнь, а не какія-нибудь „затычки“, искусственно созданныя для того, чтобы какъ-нибудь замаскировать пустоту, Итакъ, чѣмъ-же жить? Прогрессивное ученіе о благѣ міра все содержаніе жизни приводитъ къ одному положенію: это—дѣлать добро ближнему, жертвовать собою въ пользу другихъ. Въ результатъ это приведетъ будто-бы къ общей міровой гармоніи, а пока... мы должны изображать изъ себя живой навозъ въ исторіи удобренія почвы для этой гармо-

ни. По словам лектора, въ этой устарѣвшей и ненужной проповѣди отразилось языческое міровоззрѣніе. Но въ существѣ дѣла проповѣдь объ „унавоживаніи жизни“ не болѣе, какъ пустая фантазія, такъ какъ личность при этомъ уничтожается, самостоятельное значеніе ея приводится къ нулю. Вотъ эта-то проповѣдь благороднаго, самоотверженнаго рабства и приводитъ-де къ недовольству людей и отрицанію жизни, такъ какъ содержаніе этой проповѣди въ самой основѣ не хорошо, не нравственно, по мнѣнію о. Виктора, и потому не можетъ служить опорой человѣку въ его усиліяхъ къ достиженію личнаго своего блага. Далѣе,—принципъ служенія ближнему не выдерживаетъ критики съ этической точки зрѣнія, какъ неимѣющей подъ собою нравственной основы: ближній при этомъ является не свободной личностью, а объектомъ моихъ заботъ о немъ. Это своего рода эксплуатація, —не такая грубая, какъ было въ прошломъ, когда на ближнихъ возили тяжести, обращая людей въ вьючныхъ животныхъ или рабовъ,—но въ основѣ то-же своекорыстное стремленіе и даже еще болѣе низменное: „Ты меня въ жизни обидѣлъ, да еще хочешь и въ будущемъ спастись черезъ меня“,—говоритъ Катюша князю Нехлюдову, растлившему ее, когда тотъ начинаетъ усиленно созидать ея „благо“ въ тюрьмѣ („Воскресеніе“ Л. Толстого). Въ этомъ случаѣ, говоритъ лекторъ, положеніе ближняго не только обидное, но и прямо глупое, такъ какъ значеніе личности стирается, ея собственная воля куда-то исчезаетъ. Но придетъ то время, когда ближній воскликнетъ: „Нѣтъ человѣка хуже подающаго милостыню, какъ нѣтъ человѣка несчастнѣе принимающаго ее“,—личность возропщетъ и попроситъ освободить ее отъ посторонней опеки. Проповѣдь объ „унавоживаніи“ и „благѣ ближняго“ часто до тошноты была противна человѣку; и вотъ одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ, Ницше, въ противовѣсъ этой теоріи, совѣтуетъ оставить всякія заботы о ближнемъ, жить для созиданія собственного благополучія, поставить свое я „по ту сторону добра и зла“ и... тѣмъ низвести человѣка на степень животнаго. И многіе изъ „учителей жизни“ ставятъ человѣка

въ ряду другихъ животныхъ организмовъ, только-чуть повыше. Но если-бы это такъ было, то вопросъ о смыслѣ жизни не имѣлъ-бы мѣста, такъ какъ все чувства и желанія удовлетворялись-бы изъ физической природы. Такъ именно и живутъ другіе, низшія организмы: пьютъ, ѣдятъ, предаются отдохновенію,—наслаждаются существованіемъ. Но нѣтъ, для человѣка установлены иные законы; и для него естественно стремиться въ жизни къ благополучію, но всю ее сводить къ этому противоестественно; никакое физическое, матеріальное счастье не можетъ удовлетворить его. Міръ дѣйствительности узокъ и сѣръ,—и человѣкъ создаетъ себѣ иной міръ, міръ высшій, живетъ мыслью о достиженіи этого идеала. Если-бы человѣку удалось когда-либо дойти до степени животнаго, тогда, конечно, нужно слѣдовать за Ницше, отрѣшившись отъ всякой морали, такъ какъ получить отъ жизни что-нибудь все-же лучше, чѣмъ быть только „кирпичемъ“ въ міровой постройкѣ; но человѣку легче удавить себя, чѣмъ задавить въ себѣ совѣсть, отказаться отъ нравственныхъ идеаловъ. Вполнѣ удовлетворить человѣка можетъ только такое содержаніе жизни, которое вмѣстѣ съ личнымъ благомъ имѣетъ непреходящее, вѣчное значеніе, а этого не даетъ ни ницшеанское, ни иное ученіе философіи моралистовъ.

Что-же, однако, мѣшаетъ жить „недовольнымъ людямъ“? Все они жалуются на жизнь, которая представляется имъ какимъ-то „буреломомъ“: кругомъ грабежъ, мошенничество, разбой; чревоугодники и развратники, для которыхъ въ этомъ весь смыслъ существованія, засорили атмосферу, все загадили, изъ жизни сдѣлали тюрьму,—отъ этого тяжело, душно на свѣтѣ. „Недовольные“ только и дѣлаютъ, что обличаютъ и порицаютъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, строитъ жизнь, и, повидимому, разсужденія ихъ всегда оказываются правильными. Но почему-же, спрашиваетъ лекторъ, сами они не устраняются отъ зла, имѣя полную къ тому возможность, и своими дѣйствіями, дурной жизнью увеличиваютъ смрадъ жизни? Да просто не хотятъ очиститься,—а въ этой чистотѣ, въ удаленіи отъ грязи и пошлости и заключается

весь смысл жизни. Только въ этотъ принципъ и входитъ двоякое содержаніе бытія: цѣнность личности и вѣчность создаемаго. При этомъ я работаю надъ собой и для себя, *чтобы мнѣ быть чистымъ*; эксплуатаціи ближняго здѣсь не можетъ быть, такъ какъ человѣкъ въ себѣ самомъ находитъ чистое и грязное, высокое и низкое, святое и порочное. Полнѣйшее-же осуществленіе такого идеала заключается въ томъ, чтобы не только не дѣлать, но и не мыслить зла. Это, конечно, труднѣе разныхъ философскихъ утопій, и потому, говорить о. Викторъ, многіе не захотятъ слѣдовать ему; но тогда пусть такъ и скажутъ себѣ: „я не хочу истинной жизни, не хочу быть человѣкомъ, а избираю жизнь низшихъ существъ“,—въ этомъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ обмана. Но какъ только вступимъ мы на указанный путь удаленія отъ злого, то сейчасъ-же встрѣчаемся съ личностью Христа, и не съ Христомъ-моралистомъ, а Христомъ-Искупителемъ, Спасителемъ міра. Въ исторіи человѣчества всевозможныхъ моралистовъ было много, но Искупитель одинъ—Христосъ. „Убогое богословское мышленіе Льва Николаевича Толстого,—продолжалъ о. Викторъ,—не признаетъ въ Христѣ Искупителя, и общество слѣдуетъ за нимъ, отходить отъ Христа, признавая въ немъ только моральный образъ и присоединяясь къ тѣмъ, которые распяли Христа, распяли не за моральное ученіе, а за то, что онъ называлъ себя сыномъ Бжіемъ, Искупителемъ. Но одинъ только моральный образъ—не образъ Христа, а образъ противника его, антихриста“. Объ этомъ, если позволятъ обстоятельства, о. Викторъ намѣренъ прочитать особую лекцію. С. Л.